

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

**Александр БУШКОВ
Владимир ВЕЛИЧКО**

Заповедник

**Соперники
Смерти**

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Е 89

Бушков А. А.

Е 89 Заповедник. Соперники Смерти / Александр Бушков, Владимир Величко. — М. : Яуза : Эксмо, 2014. — 256 с.

ISBN 978-5-699-70372-2

Наша Вселенная — поле битвы высших Сил и древних цивилизаций. Наша реальность — последний Заповедник среди множества миров, сгоревших в ядерном огне. Оказавшись на соседней Земле, где на месте твоего родного города радиоактивные трупцы, а человеческая раса вымирает после атомной войны, — останешься ли ты сторонним Наблюдателем, «добру и злу внимая равнодушно», или примешь неравный бой за спасение этого мира?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-70372-2

© Бушков А.А., 2014
© Величко В.М., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Красноярск 2013 г.

Пролог

Глядя в небо — мы рассматриваем Пространство, а видя в нем Звезды — мы созерцаем само Время.

В. Марлов

Поднявшись над современным уровнем человеческого познания, мы очутимся в мире, где Время, в нашем теперешнем понимании, станет для нас Пространством.

В. Марлов

В Абсолютной Черноте и неподвижности Вселенной появилось Нечто Движущееся. Сначала было неясно, то ли это действительно движение некоего объекта, то ли это обман зрения, вроде иллюзии. Но вскоре движение объекта как-то упорядочилось и стало вполне различимым, и тогда же начал вырисовываться какой-то неясный контур, рисунок... человека? Человека!!! Да, да, обыкновенного человека в темной легкой курточке, темных джинсах и белых кроссовках. Волосы его были светлыми. На бесстрастном и холодном, как чернота космоса, лице играли отблески звезд Вселенной. И если раньше возникало ощущение, что человек двигался и приближался, то в какой-то момент он замер, став абсолютно неподвижным. И только едва заметные движения грудной клетки — вдох... выдох — давали понять, что это не изваяние. Он «стоял» неподвижно, глядя на то, что называлось Вселенной во Времени. Она, безмерно-огромная в пространстве, одновременно была ему видна и во времени, что называется, «от рожденья и до тризны»... Человек стоял и смотрел,

причем было отчетливо видно, что он не просто любит красоту Звездного цветка Вселенной, он напряженно думает!

Он видел то, что миллиарды лет спустя Разумные на одной из планет назовут Большим Взрывом, чуть-чуть повернув голову, он видел первые этапы формирования протозвездных облаков, первые сгущения и уплотнения их. Видел он и вспышки первых звезд, образование протогалактик и возникновение их спиральных рукавов... Приглядевшись внимательнее — для чего ему пришлось передвинуться на десяток световых лет, — он увидел, как в уже сформировавшемся третьем спиральном рукаве Галактики вспыхивает новая звезда. Именно ее спустя миллиарды лет Разумные с третьей планеты сначала нарекут Тонатиу, а потом Землей. Полюбовавшись планетами и родной звездой, он посмотрел немного пристальней, отпуская поле своего ясного сознания в начальные периоды появления живых существ: первых стегозавров, динозавров. Неожиданно все ментальные поля исчезли. Появилось ощущение, что эти гигантские ящеры — механизмы, не живые, или... или всех их накрыли защитой, не пропускающей излучения. А чуть позже исчезла поверхность планеты, а дальше исчезла и сама планета. Ее не было. Он только ощущал, как совершает она свои бесконечные круги по орбите. И только! Это было необычно, это было тревожно, потому что он, Человек, волею рождения и данных ему способностей ставший наравне с Богами, ничего поделать и ничего понять не мог! Все время — а это почти два миллиона лет — планета была, и одновременно ее не было. И лишь спустя миллионы лет, в самом конце эры динозавров, пла-

нета, прародина человека, снова стала видна, стала доступна для обозрения. Но последние из Великих Ящеров уже вымерли. По бесконечным равнинам бродили еще живые, но одинокие Ящеры Страннорукие. Их позже назовут Дейнохейрус! Они единственные имели развитые верхние конечности — почти человеческие! Великая загадка Третьей Планеты — *Deinocheirus Sapiens*.

Глава 1

Здравствуй, Заповедник!

Не уходи, помедли, Осень
Дай налюбуюсь вдоволь, не спеши..
Твоих берез желтеющие косы
Так трепетно-печально хороши.

Михаил Величко

Тайга. ... Необозримая сибирская тайга! Когда она исхожена тобой вдоль и поперек, когда ты ее знаешь и понимаешь, то поневоле теряешься. Что и как надо о ней написать, чтобы человек, ни разу ее не видевший, проникся? Одно из лучших описаний тайги и жизни в ней есть у Григория Федосеева — геодезиста и писателя. Читайте и поймете, какая она — тайга. А вообще-то она разная. Тайга Горной Шории — это гигантские ели высотой в пятиэтажный дом, со стволами в четыре обхвата. Ветви у таких елей начинаются на высоте 5–6 метров. Идти по такой тайге — мука! Это жуткий и непроходимый бурелом. Северная тайга совсем другая — это довольно чахлая лиственница и корявый, но могучий кедр. Под ногами стланник и карликовая березка — штанодер! А грибы в северной тайге — фантастика. Можно косить. Белый гриб имеет шляпку до 50 см в диаметре. Но наилучшие грибы — рыжики. Их можно есть сырыми. А если солить, то через два дня они уже готовы. Тайга — это заботливая мать. И накормит, и обогреет, и укроет. Даже зимой. Но зимой она может стать и мачехой, если оплошаешь. А какие летом в тайге

бывают комары! Сядет такой комарище на спину и кэ-э-к воткнет жало, так оно — не поверите! — из живота вылезет! Во зверюги! А тот самый пресловутый гнус (он же мокрец, он же мошка, мошкара), вот он — страшен по-настоящему. Имеются, конечно, средства и против гнуса, имеются, но... лучше не надо. Гнуса не надо.

Тайга у Города, в Заповеднике, совсем другая. Культурная. Хотя и довольно нетронутая. Ее в Заповеднике не пакостят, жалеют.

...На одном из таежных перевалов стояли трое друзей: Кэп, Док и Техник, которого еще со студенческих лет окрестили Тексом. Четвертый — Монтажник, он же Монти — должен был догнать их позднее. И так, стояли они и любовались именно такой, относительно культурной тайгой. Из сплошного желто-зеленого ковра тайги, покрывающей горы, выступали громады скал. Одни — поближе, другие — далекие. Это была их юность и молодость. Вдруг Док продекламировал:

*Холмы — это вечная слава.
Ставят всегда напоказ
на наши страданья право.
Холмы — это выше нас.
Всегда видны их вершины,
видны средь кромешной тьмы.
Присно, вчера и ныне
по склону движемся мы.
Смерть — это только равнины.
Жизнь — холмы, холмы...¹*

— Лирик, блин, — проворчал, отдуваясь, Кэп, — пошли дальше... Нам еще топать, да топать... десяток километров, не меньше...

¹ И. Бродский.

— Да успеем... Отвык ты, морячок, в рубке своего дредноута ногами шевелить, отвык, — ехидно произнес Текс. — В прежние годы мы от этого места до стоянки за полтора часа добежали... а то и быстрее.

— Ага, добежали, — огрызнулся Кэп, — лет тридцать назад...

— Да, ребята, пошли, — поддержал Кэпа Док, — нечего резину тянуть.

И — закинув за спину рюкзаки, они друженько двинулись дальше. Тропка, хорошо выбитая ногами туристов и усыпанная желтым листом, то поднималась вверх, петляя, то резко падала вниз. Тропу буквально на каждом шагу пересекали узловатые корни сосен, что стояли вдоль тропы. Из-за них она почти везде имела вид лестницы с неравномерными ступенями...

Вскоре они свернули на едва заметную стежку, уходящую в сторону, в долину. Там остановились.

— Раньше она пошире была, — отметил грустным голосом Кэп, — гораздо шире.

— Так это хорошо, мало ходят... Значит, на нашем месте почти наверняка никого не будет, — возразил Док, потом, помолчав, спросил:

— Ребята, а Монти не проскочит поворот на эту тропку?.. Уж слишком она заросла.

— Не, это Кэп проморгал бы поворот, ведь последний раз он здесь был — когда, Кэп? — повернувшись к нему, спросил Текс.

— Да лет уж двадцать прошло, — ответит тот.

— Вот видите, а Монти каждый год здесь шастает, так что не бойсь, дохтур, через часок он нас догонит!

И друзья снова зашагали по еле заметной и сильно заросшей тропке, которая с каждым десятком ме-

тров все круче и круче опускалась в сырость распада. Вдруг резко потемнело — будто кто свет выключил, вернее, не выключил, а сильно притушил. Это было так неожиданно, так внезапно, что они разом остановились и уставились на небо. Полумрак — и даже не полумрак, а что-то похожее на туман — окружал друзей. Причем этот туман возник как-то сразу, со всех сторон одновременно — вот его не было, а вот — они уже в тумане. И еще — тишина! Ватная тишина. Не было слышно ни шума ветра по вершинам деревьев, ни звука птичьих голосов. Стало как-то зябко, тоскливо, даже тревожно.

— Дождь, что ли, натягивает? — задумчиво спросил Кэп. Голос его звучал глухо и тихо — будто он стоял не в шаге от Дока, а метрах в пятнадцати.

— Наверное... даже птиц не слышно... да и деревья не шелхнутся. Не иначе гроза надвигается, — недоуменно оглядываясь по сторонам, произнес Текс.

— Ладно, ребята, двигаем, двигаем! Если гроза — палатку надо успеть поставить...

И, заметно ускорив темп, друзья поспешили вниз. Еще полчаса пути, и вон за тем поворотом заветное место. Вот этот приметный и огромный сиенитовый валун, сейчас его огибаем и... друзья останавливаются как вкопанные, ибо у южного склона гор, окружающих их заветную поляну, стоит дом! Вернее, не дом, а обычная, столь характерная для этих мест лесная избушка. Они молча стояли и, разинув рты, смотрели на нее. Изба как изба. Одно подслеповатое окошко, маленькие сени из неструганых досок, крылечко из пары грубо стесанных топором бревен... Неширокий дощатый навес сбоку от домика забит наколотыми дровами. У спуска к ручью еще один

навес, под которым приютилась кирпичная летняя печка. Из трубы курится еле заметный дымок. Недавно топлена, погаснуть не успела...

— А я и не знал, что здесь домик поставили, — удивленно молвил Текс.

— Да-а-а, — озадаченно протянул Доктор, — сюрприз... И Монти — вот ведь гад! — ни словечком не обмолвился... Что делать будем? — задал он волновавший всех вопрос.

— А что тут думать? Идем в избушку, а там... или ночуем, или ставим палатку на свободном месте — другого нам ничего не остается, да и времени в обрез. И гроза, — откликнулся Кэп. И друзья, отлепившись от валуна, двинулись через поляну по высокой и пока еще сухой траве туда, к избушке.

Пройдя метров двадцать, они остановились. Из-за угла дощатого навеса вышла здоровенная — они и не видели таких никогда! — собака и тоже остановилась. Овчарка? Волк? Она стояла, глядя на друзей, и в ее желтых маленьких глазах мерцали нехорошие — ох, нехорошие! — огоньки. Приподняв голову и не отрывая от появившихся путников взгляда, она довольно шумно вдыхала запахи, слегка подрагивая при этом ноздрями.

— А если кинется? — прошептал на ухо Дока стоявший чуть сзади Кэп... В ответ на этот тихий шепот верхняя губа собаки приподнялась, явив — в качестве приветствия, надо полагать, — здоровенные и ослепительно белые клыки. Послышалось низкое, глухое рычанье, шерсть на загривке стала подниматься... И в этот кульминационный момент заскрипела, распахиваясь, дверь избушки, оттуда вылетел маленький бородатый мужик и истошно заорал:

— Фу, Шарик, фу!.. — Пес, услышав команду, сразу же успокоился и, опустив голову, неторопливо подался за угол избушки.

— Шарик... ничего себе Шарик! — истерично хохотнул Текс. — А какие же тогда здесь Джульбарсы или Рэкссы, если это — Шарик?

— Да, понимаешь, — услышав эти слова, сказал подходивший к друзьям мужик, — когда он был щенком, то вон с той горки, бывало, срывался и катился вниз — ну точно как меховой шарик... Так и прилипло: Шарик да Шарик... Драстье! Куда путь держим, робяты? — приветливо спросил дедок.

— Да нам бы переночевать... мы и не знали, что здесь избушка стоит... но мы и палатку поставим, если вы не против, — тут же начал Док. Однако мужичонка замахал руками, как двухмоторный самолет пропеллером:

— Вот ишшо... шатер оне ставить будут! Изба-то пуста стоит, поместимся, однако. ЗахОдьте, захОдьте! — И повел нас в свою избушку. И мы всей гурьбой подались за ним. Последним зашел Кэп, и перед тем как скрыться в темноте сеней, он приостановился и, оглянувшись, цепко оглядел окрестности. Лицо его было сумрачным, даже настороженным...

Но отдыха поначалу не получилось. Не успели все сбросить на нары рюкзаки, как за дверьми раздалась разноголосица истошного и требовательного собачьего лая.

— Охти мне... посыльные прибежали, — бросил дедок и прытью выскочил из избы. В окошко было видно, как две лайки что-то усиленно втолковывали хозяину, всячески показывая, что надо идти за ними, срочно надо идти. Это было так красноречиво, что

мы ничуть не удивились дедовым словам, которые он, вбежав в дом, бросал на ходу:

— Лайки говорят, беда... кто-то из зверей покалечился... зовут... вы тут располагайтесь... вот вам мяско... — Дедусь вывалил на стол несколько скруток вяленого мяса: — Это маралятина... приду к девяти, однако не раньше.... Сварите кашу... крупа, соль в шкапчике. — Сам же он при этом, бегая по избушке, успел вытащить короткоствольный карабин, сунул в карман десяток патронов и, подхватив подмышку какой-то серый мешочек, исчез.

— Шарика не бойсь... он вас... теперь... не тронет... о нет... нет, — донесся уже негромкий дедов голос, и собачий лай стал смещаться в сторону, а потом, как по сигналу, разом оборвался. В избушке и тайге опять наступила тишина.

Вскоре все устроились. Текс развалился в углу на нарах и, пристроив на свой могучий живот гитару, тихонько наигрывал мотивчик немудрящей песенки из нашего далекого и хулиганистого прошлого. Док и Кэп сидели за маленьким столиком у оконца и меланхолично жевали вяленую маралятину, отрезая ее крохотными кусочками. Вкусна, зараза!

— Что-то Монти долго не видать, — прервав треньканье на гитаре, сказал Текс.

— Да, наверное, вот-вот будет, — откликнулся Кэп. — Мы уже сколько здесь? Часа полтора, так?

— Да, примерно!.. Никуда не денется наш Монти. Он всегда разгильдяем был. Всегда и везде опаздывал, — перестав жевать, бросил Док. — Все равно мимо ему не пройти. Мы ж здесь договаривались ночевать. Вот темнеть начнет, и зайвится.... Кстати, о «темнеть». Не пора ли идти кашу варить... как за-

вещал нам гостеприимный дедушка? А то неудобно будет — придет дед, а мы лясы точим да нахально жрем его мясо, а каша-то — тю-тю!

Вскоре друзья вовсю орудовали у летней печки. Док разжигал дрова, Кэп ушел за водой, а Текс, сидя на бревне, под гитару вполголоса напевал о бригадине, поднимающей паруса. Снизу от реки с полным котелком прибежал Кэп:

— Ребята, а вы видели, какая вода в ручье? Теперь его даже неудобно так называть... прямо речка маленькая... вроде бы осень совсем без дождей... странно!

И мы занялись готовкой... под аккомпанемент Текса. Минут через десять Кэп сказал Доку:

— Глянь, — и показал рукой на тропу, которая привела нас сюда. Там, растянувшись во весь рост, лежал давешний Шарик. Почему-то сразу показалось, что идти туда не стоит, не пустит эта зверюга.

— Да и хрен с ним, пусть валяется... Щас доварим кашку, кстати, она уже почти готова! — попробовав, молвил Док. — И пойдём в избушку. А там пусть Дед со своей псиной сам и разбирается... когда с добычей явится... — Затем он сдвинул котелок с огня и примостил на его место внушительный алюминиевый чайник.

Некоторое время друзья молча смотрели на огонь в раскрытой топке, слушали потрескивание горящих дровишек и тихое брэнчанье гитары, а потом Кэп неожиданно спросил:

— Ребята, а помните Франческу?

— Конечно! Помним! Разумеется, помним, — почти хором ответили Док с Тексом.

— А знаете, я ее все-таки нашел, прошлым летом нашел...